

Русская
антропологическая
школа

Труды

Выпуск 11

Москва
2012

Содержание

<i>Н. Полтавцева.</i> От редактора: Советский дискурс как незавершенный проект.	5
<i>Г. Тиханов.</i> Проблема преемственности в советское время {пер. с англ. <i>Н. Полтавцевой</i> }.	7
<i>К. Кларк.</i> Дискурс Москвы в 1930-е годы.	44
<i>Э. Тарковска.</i> Роль культурного будущего в легитимации так называемого «реального социализма» в Польше.	50
<i>А. Марков.</i> Модернизация советского дискурса: апология поневоле.	59
<i>С. Панов.</i> Имперский конструкт, литературный абсолют и идеология неототемизма.	67
<i>И. Бахштейн.</i> О постсоветской Современности.	73
<i>А. Дмитриев.</i> «Ученый совет при Чингисхане» (поэтика и риторика постсоветского академического мемуара).	80
<i>Т. Гундорова.</i> Пост-Чернобыль: катастрофизм и нуклеарная сублимация.	101
<i>В. Хархун.</i> Политика памяти о коммунизме и музейная коммуникация.	119
<i>Е. Болтунова.</i> Дворец как часть советского/постсоветского и городского ландшафта (на примере Путевого дворца Екатерины II в Твери).	127
<i>Т. Автухович.</i> Советский дискурс в лирике Иосифа Бродского: визуальный аспект.	156

<i>В. Вьюгин.</i> ИмPLICITные табу и политика имени у С. Маршака (безымянный герой vs. мистер Твистер)	170
<i>Т. Свербилова.</i> Страх смерти как жанровый мотив советской модели «комедии с самоубийством» в свете гоголевской традиции (Мыкола Кулиш и Николай Эрдман)	189
<i>Т. Свербилова.</i> Соцреализм как массовая культура и формульные жанры в советской драматургии 1920-1930-х гг.	201
<i>В. Хархун.</i> Художественные модели войны в украинской соцреалистической литературе (1941-1943)	208
<i>А. Синченко.</i> Социалистический реализм: опыт литературоведческой адаптации.	226
<i>Е. Пчелов.</i> Илья Ефимович Репин и социалистический реализм.	234
<i>Т. Лане.</i> Постреволюционная философия Андрея Платонова: язык в тупике, или дорога во тьму.	251
<i>Н. Полтавцева.</i> «Детский текст» в рассказах Андрея Платонова . . .	269
<i>Е. Лебедева.</i> Советская культура: идеология и мифология.	283
<i>Р. Чандлер.</i> О Василии Гроссмане и Евгении Таратуте (пер. с англ. и комм. Н. Полтавцевой)	293
<i>М. Дроздова.</i> Неомистицизм и фэнтэзи как инструмент изживания советского дискурса в современном кино и визуальном медийном пространстве	300
<i>П. Богданова.</i> Театр, рожденный «оттепелью»: общая характеристика	308
<i>Е. Абрамова.</i> Абстрактная живопись и графика в Москве 1950-х годов: художественные практики и их интерпретации . . .	327
<i>Д. Барышникова.</i> «Амортизация бреда»: советский дискурс в психоделическом реализме	343
<i>Краткие сведения об авторах.</i>	357
<i>Abstracts.</i>	361

Труды «Русской антропологической школы»: Вып. 11.
М.: РГГУ, 2012. 375 с.

Одиннадцатый выпуск «Трудов РАШ» объединяет материалы второй и третьей конференций по советскому дискурсу в современной культуре, проходивших в Москве в 2010 и 2011 годах. Международный проект по советскому дискурсу Институт «Русская антропологическая школа» Российского государственного гуманитарного университета ведет совместно с РИКом и Институтом литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины начиная с 2009 года. Настоящий сборник РАШ примыкает к вышедшему в 2010 году (№ 7), где представлены материалы первой конференции по советскому дискурсу. В сборнике несколько проблемных блоков, объединивших участников вокруг общих для них вопросов.

УДК 008.001
ББК 71.4я43

Научное издание

Труды «Русской антропологической школы»

Вып. 11

Ответственный редактор выпуска *Н.Г. Полтавцева*

Художественный редактор *М.А. Якобидзе-Гитман*

Компьютерная верстка *А.В. Гараджа*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте «Русская антропологическая школа»

Подписано в печать 10.10.2012.
Бумага № 1. Формат 60х84¹/16
Уч.-изд. л. 22,5. Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 1050 экз.

интересов: история России и Европы раннего нового времени, русский придворный церемониал XVIII в., топография власти, имперский дискурс войны, история памяти.

Вьюгин Валерий Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Сфера научных интересов: история русской литературы XX века, теория литературы.

Гундорова Тамара Ивановна (Киев) — доктор филологических наук, заведующая отделом теории литературы Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, член-корр. НАН Украины. Сфера научных интересов: история литературы, модернизм, феминизм, постмодернизм и постколониализм в современной украинской литературе и культуре.

Дмитриев Александр Николаевич (Москва) — кандидат исторических наук., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета—Высшей школы экономики, доцент факультета истории НИУ ВШЭ. Сфера научных интересов: интеллектуальная история России и Европы XIX–XX веков, история науки, социология знания, история форм и средств интеллектуальной коммуникации.

Дроздова Марина Анатольевна (Москва) — научный сотрудник сектора современной художественной культуры Российского института культурологии; начальник отдела документальных фильмов и сериалов Студии документального кино телеканала «Культура». Сфера научных интересов: кино как медиа в мире современных коммуникаций, кинодокументалистика.

Кларк Катерина (Йель) — доктор филологии, профессор кафедры компаративистики и славистики Йельского университета (США). Сфера научных интересов: культурная история России XX века.

Лане Тора (Стокгольм) — доктор филологических наук, сотрудник постдокторского проекта о Платонове и Хайдеггере в Стокгольмском университете и в университете Седертерн, преподаватель русской литературы в Упсале. Сфера научных интересов: русский модернизм, немецкий романтизм, отношение философии и литературы.

Лебедева Елена Геннадиевна (Москва) — научный сотрудник отдела современной художественной культуры Российского института культурологии, искусствовед, кандидат культурологии. Сфера научных интересов: любительство как феномен художественной жизни России XVIII–

А. Дмитриев

«Ученый совет при Чингисхане»
поэтика и риторика постсоветского академического мемуара)

В статье исследуется общая содержательная схема и риторические приемы строения мемуарных текстов представителей постсоветской академической теллигенции из принципиально разных политических и идейных лагерей. Подчеркивается влияние критически настроенных оппозиционных интеллектуалов, торые в 1990-е годы смогли в своих автобиографиях представить свою систему ленок прошлого как релевантную для всего гуманитарного сообщества. В результате ценности автономного научного исследования стали признаваться даже ; консервативными оппонентами.

ключевые слова: мемуаристика, исторический опыт, дисциплинарность, академическая среда, гуманитарное знание, историография, культура памяти.

Н.Б.: ... Но однажды я туда пришла и увидела объявление о приеме в аспирантуру очной формы — как раз на античный театр. Очень интересно!

Л.Б.: Это специально для вас?

Н.Б.: Нет, это было специально *не* для меня.

(Из беседы Л. Борусяк с Н.В. Брагинской; курсив мой— А, Д.)

Два десятилетия, отделяющие нас от конца советской эпохи, стали ременем интенсивного осмысления прежнего исторического бытия. Од-

ной из главных площадок такой саморефлексии стала сфера персонального опыта: в результате мы получили богатый и интенсивный поток мемуарной литературы, вышедшей из-под пера людей самого разного прошлого—от диссидентов до партийных функционеров или сотрудников спецслужб. Этот процесс мемуарного самоописания, разумеется, затронул и академическую среду (особенно гуманитариев, непосредственно занятых изучением общественных и культурных процессов в прошлом или настоящем), но пока, судя по всему, не стал еще предметом систематического анализа и описания с максимально широким охватом различных дисциплинарных сообществ, от востоковедов до экономистов или психологов¹.

Главный вопрос — существует ли общая содержательная схема мемуарных текстов постсоветских представителей академической интеллигенции из принципиально разных политических и идейных лагерей? Что можно увидеть в них вне свойств специфического исторического источника, помимо самого общего отражения условий своей среды и эпохи (как и в любых автобиографических текстах во все времена и в самых разных странах)? Чем они отличаются от постсоветских мемуаров политиков, литераторов, людей искусства? Как «итоженье» жизни соединяется в этих сочинениях с осмыслением советского прошлого и особенностью профессионального статуса их авторов? Меняет ли эта мемуарная литература характеристики самой науки — здесь и сейчас?

Не претендуя на детальное описание и анализ, я хотел бы, отталкиваясь от вынесенной в заглавие меткой коллективной автохарактеристики (она принадлежит известному социологу Борису Грушину [Грушин 2010]), предложить несколько общих наблюдений над типичными свойствами и особенностями этого очень примечательного корпуса текстов².

¹См. анализ большого корпуса подобных текстов, но в специально ограниченном социокультурном ракурсе: [Эпштейн 2010]. О социологических мемуарах см.: [Мазлумянова 2005; Козлова Л.А. 2007]. См. также интервью Л.А.Козловой (URL: <http://www.socioprognost.ru/files/File/history/Kozlova.pdf>). Важные и обширные материалы представлены в: [Беленький 2011].

²См. содержательный обзор о мемуарах (преимущественно англоязычных) историков: [Dintenfass 1999], и богатую материалом книгу [Popkin 2005]. Очень важным был сборник конца 1960-х годов, содержащий воспоминания крупных европейских ученых (Т. Адорно, Э. Панофского и др.), работавших в Америке из-за бегства от нацистов: [Intellectual Migration 1969]. О коллективном опыте немецких историков и его новейшем осмыслении см.: [Хряков 2005]. В частности, см. сборник интервью и автобиографических статей немецких историков «среднего» поколения, вступивших в профессию в 1960-1970-х годах: [Versäumte Fragen 2000].

[Прежде всего укажем на *новизну* сложившихся внутри него риторических традиций — ведь им в смысле прямой преемственности не на что, о сути, было опереться (в то время как стратегии «подцензурного» литературного мемуара были, напротив, к началу 1990-х годов уже весьма изощренными [Колядич 1998; Гузаиров и др. 2004]). Ведь советские/манитарии оставили довольно мало мемуаров. И те из них, что были эступны в печати, содержали значительнейшие и сознательно оставленные лакуны: о репрессиях конца 1920-х (вроде «Академического дела» историков), большом терроре или борьбе с космополитизмом можно было говорить в лучшем случае уклончиво, тщательно отредактированными фразами и в весьма узких цензурных рамках³. В самом деле — г случайно такие авторитетные и к концу жизни вполне признанные (же властью ученые, как академики Греков, Гарле, Жирмунский или онрад, не оставили сколь-нибудь развернутых воспоминаний. Исключения вроде книги «Жили-были» (1964) Виктора Шкловского или вос-эмнинаний историка Николая Дружинина⁴ только подтверждали общее завило. Кроме того, книга Шкловского была сделана скорее по литературным лекалам, но в отличие, например, от тогда же печатавшихся емуаров «Люди. Годы. Жизнь» Ильи Эренбурга⁵ никакого сопостави-эго резонанса не вызвала. Гораздо теплей литературной критикой, нашмер, были встречены автобиографические сочинения Вениамина Ка-рина, тоже связанные с 1920-ми годами («Освещенные окна» (1970-76), «В старом доме» (1971), «Вечерний день» (1977-1978) и др.). этом смысле еще большим заострением мемуарной стратегии умол-ния и многослойной «орнаментировки» реальных событий прошлого ал начатый на излете оттепели прозаический цикл Валентина Катае-. («Святой колодец» (1965), «Трава забвения» (1967) и «Алмазный мой яец» (1978), «Уже написан Вертер» (1980)), а противовесом подоб-лм сочинениям — вышедшие только на Западе «Воспоминания» (1966) адежды Мандельштам [Литовская 1999]. Очень многое было предна-

³ Характерный пример временного самоограничения известного академика-экономиста: стровитянов 1967].

⁴ См.: [Шкловский 1964; Дружинин 1967] (интересно сравнить текст Дружинина с его евником, напечатанном в 1995-1997 годах на страницах «Вопросов истории»). Следует омянуть также почти сугубо академические мемуары ученика Выготского А.Р. Лурия: урия 1982].

⁵ Как известно, первая публикация мемуаров Эренбурга в «Новом мире» Твардовского [ервой половине 1960-х столкнулась с яростным противодействием советской цензуры и иное издание мемуаров увидело свет лишь в эпоху перестройки стараниями Б. Фрезин-го.

значено устной памяти (ее замечательным собирателем и хранителем стал В.Д. Дувакин [Споров 2005]), и только после 1991 года целые пласты опыта могли стать предметом печатной коммуникации и достоянием широкой публики. Литературовед Сергей Георгиевич Бочаров в одной из своих статей приводит замечательные слова Бахтина, бросающие свет и на ретроспективные представления многих из учителей послевоенных гуманитариев, и на сугубую осторожность старших наставников в области печатного слова — ибо слишком серьезными воспоминаниями эта *сдержанность* была куплена:

«... Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве, под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно», — сказал он, включив сюда и своего «Достоевского»... В другом разговоре (21 ноября 1974 года) он рассказал, что писал в 20-е годы статью «О непогибших». «Статью ненаучную. Конечно, не кончил и, конечно, потом уничтожил» [Бочаров 1995: 219].

В качестве своеобразного анекдота можно привести подготовленные в середине 1980-х годов и оставшиеся неопубликованными мемуары академика Марка Борисовича Митина, известного своим философским невежеством и возведенного на вершину научного Олимпа в 1930-е годы Сталиным за разгром Деборина и его школы [Квасов 1992]⁶. Главным же прообразом будущего жанра для гуманитариев можно считать автобиографические эссе Лидии Яковлевны Гинзбург «Поколение на повороте» и «Заодно с правопорядком», увидевшие свет на заре перестройки в «Тыняновских сборниках», — они мгновенно обрели резонанс далеко за пределами узкого круга специалистов [Гинзбург 1989]. В целом же цензурные условия 1960-1980-х предназначали неофициальной мемуаристике либо путь в архив (часто семейный [Варга 1991; Галкин 2004] или негосударственный⁷, либо распространение исключительно в эми-

⁶Эти мемуары содержат, тем не менее, интересное документальное свидетельство о роли Сталина в разгроме Деборинской школы. Мемуары самого Деборина много лет хранились в семейном архиве: [Деборин 2009].

⁷См. также написанные в 1975 году мемуары историка Нины Штакельберг (1897—1978): [Штакельберг 1995]. В семейном архиве остаются и рукописи воспоминаний известных историков А.А. Зимины («Храм науки. Записки о пережитом», «Слово и дело») и А.А. Формозова, известного своими полемическими и острыми трудами по новейшей истории науки. См. о Зимине (с опорой на его неизданные автобиографические работы): [Дубровский 2005: 701-718].

рации [Авторханов 1983; Некрич 1979; Полетика 1990; Эткинд 2001]⁸. [Ище всего жившим в СССР авторам приходилось публиковать неофициальные автобиографические произведения в сам- и «тамиздате» под севдонимами [Яневич 1982; Евнина 1995].

Ныне же, двадцать лет спустя, мы имеем дело с разноплановыми тентами, общая «рамка» которых задается скорее коммуникативными, чем исследовательскими характеристиками⁹. Притом биографические особенности создания этих документов определяют различные их виды — от полноценных, стилистически и композиционно законченных произведений, изначально предназначенных для публикации, до обработанных интервью¹⁰ или посмертных сборников разнородных материалов, в том числе мемуарного характера¹¹.

Можно ли увидеть что-то общее в воспоминаниях очень разных по статусу, заслугам и идеологическим устремлениям ученых? Мы можем выделить несколько составляющих элементов в текстах такого рода [Баыгин 2002; Дубин 2005]:

А. Герой и Идея

Б. Перипетии

В. Фон и фигура

Г. Адресат

А. Если попытаться в первом приближении нащупать в любом мемуарном повествовании схемы сюжетного построения в духе Проппа, то в центре мы почти всегда обнаружим именно Автора, окруженного Протагонистами —непреренно! —Недругами¹². Соотношение «ненаучной»

Специально о ситуации российского ученого и эмиграции в биографическом нарративе: [Шалин 2011]. Отдельный пласт составляют автобиографии украинских, белорусских других ученых из республик СССР, как правило, их авторы принадлежали ко второй одной эмиграции (Ю. Шевелёв, Г. Костюк и другие).

Для сопоставления достаточно сравнить опубликованные при Хрущеве и Брежневем оспоминания с публикациями перестроечных лет по библиографическим справочникам: 'м.: [Советское общество 2006] (опубликованные материалы с 1957 по 1982 годы); [Отрытый архив 1997].

См. запись бесед академика-экономиста, отчасти мемуарного характера [Яременко 998] или мемуарные диктовки 1980-1981 годов Георгия Щедровицкого Николаю Шукину: Щедровицкий 2001].

"Порой в послесоветские годы публиковались (чаще с доработкой) мемуары ученых-уманитариев, в основном написанные «в стол» или «для себя» в предыдущий период: Сильман, Адмони 1993; Дьяконов 1995].

¹² Притом подобные схемы распространяются не только на сочинения гуманитариев, но и специалистов весьма далекого от них профиля (например, экономистов): [Заславская 2007].

и «научной» частей в академических мемуарах резко противостоит общей практике дисциплинарных повествований и историко-отраслевого нарратива, где все подчинено показу «научного вклада». Как правило, в мемуарах детализованные описания детских и юношеских переживаний героя, его молодости (часто приходящейся на военные годы), наконец, семейных и дружеских отношений превращают сами исследовательские занятия героя в еще одну разновидность реализации его личности, родовых или индивидуальных паттернов. Весьма редко предметом описания становится родословная идеи, главной концепции или даже школы, с которой связывает себя Автор¹³. Формат мемуарной книги обычно подразумевает персональную историю, рассказанную от первого лица, в то время как автобиографическая статья может представлять собой и более аналитический эссеис [Бибихин 2003]. В то же время среди постсоветской гуманитарной мемуаристики (в первую очередь у филологов) особо выделяются — нередко в качестве модельных — как раз те тексты, которые сознательно нарушают границы между «персональным» и «академическим» (вроде сочинений Л.Я. Гинзбург или М.Л. Гаспарова). В них в центре оказывается самоисторизация и себя и своего поколения, а логика развертывания аналитического аргумента явно преобладает над последовательностью биографического нарратива («родился»... «учился»... «защищал диссертацию»).

Б. Почти неизменным атрибутом мемуаров является образ противника Автора (Гонителя), часто таковых бывает несколько; в отличие от друзей и соратников их могут порой обозначить криптонимами или поминать анонимно и т.д.). Чаще всего они (особенно в случае анонимности) и воплощают — применительно к описанию сюжетов советского времени — образ Власти, Цензуры и так далее. И даже в воспоминаниях самых отъявленных «ястребов» мы встретим схемы и сюжеты борьбы за научное достоинство, сходные с жизнеописаниями «диссидентов» и «либералов». Ибо и у самых «проверенных» (вроде Феликса Кузнецова или Ричарда Косолапова), если судить по их мемуарным заметкам или воспоминаниям их последователей, в те времена отыскивались властные недоброжелатели, вопреки которым герою приходилось делать *настоящую науку* — даже если речь шла о «важном направлении классовой борьбы» пролетариата западных стран [Виноградов 2011: 343-344]. Таким образом, противостояние «им» (ибо чаще всего Гонители выступ-

Из опытов такого рода следует назвать всегда аналитически насыщенные тексты Лидии Гинзбург. См. также недавнюю попытку отойти от автобиографического канона: [Фирсов 2008].

пают как воплощение внешней, партийной инстанции) является неким общим местом всей мемуаристики почти без деления на идеологические фракции:

Что бы там ни говорили о философском факультете, сочиняя разные небылицы, но он готовил нужные стране философские кадры, обеспечивал обществоведческие кафедры учебниками и учебными пособиями, курсами лекций, методическими разработками. Поэтому отделу науки и культуры ЦК КПСС, горкому КПСС, министерству высшего образования СССР так и не удалось нанести серьезный удар (я бы сказал, ущерб) философскому факультету МГУ, подорвать его роль и влияние в философском мире [Косичев 2007: 241].

Представляется, что такого рода защитная риторика — не просто лицемерие бывших академических начальников, но весьма специфическая реализация одного из постулатов научного этоса (установки на нейтральность и бескорыстие), давно сформулированного Р. Мёртоном. Люди, воспитанные на десятилетиях приоритетности принципа партийности в науке (и необходимости борьбы с буржуазным объективизмом), ныне отсылают читателя к идеалу научной автономии в качестве само собой разумеющегося.

В. Сопоставимым по значимости с образом Автора в совокупном мемуарном тексте становится Время (фон, ключевые события эпохи), и здесь главными рубежами выступают скорее не поворотные события (март 53-го, август 68-го или 91-го) а более протяженные по времени процессы: погромные кампании конца 1940-х годов, конец 1960-х и сворачивание оттепели, наконец, перестройка как время несостоявшихся надежд. Очень важной в этом структурировании минувшего была также отсылка к дореволюционному (а не ленинскому, большевистскому, как в период оттепели) прошлому, которая начала преобладать в среде интеллигенции, по наблюдению Алексиса Береловича, скорее с начала 1970-х годов [Берелович 2005]. Как знак разочарования в шестидесятническом

¹⁴Соображения А.Т. Бикбова в статье: [Бикбов, Дмитриев 2010] (см. также материалы блока «Социология 60-х как культурный феномен» // Новое литературное обозрение. 2009. № 98).

¹⁵Замечательным примером коллективного повествования являются собранные Г.С. Батыгиным воспоминания социологов-шестидесятников самых разных лагерей, включая «гонимелей» и ортодоксов: [Российская социология 1999]; о разгроме Института конкретных социологических исследований, помимо известного «дела Левады» см. также: [Бестужев-Лада 2004: 787-797].

активистском футуризме дореволюционная Россия на страницах мемуаров—это уже потерянная земля, и хотя эта страна дедушек и бабушек самими уже весьма немолодыми героями не обязательно идеализируется, но все же воспринимается «из дня сегодняшнего» как некоторая точка отсчета. Особенно показательны тут беллетризованные свидетельства, вроде романа литературоведа Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2000), где главной для рассказчика-подростка начала 1950-х становится фигура деда с его духовным образованием и «старым», благородным прошлым. Складывание именно таких «режимов историчности» (по Ф. Артогу) в академической мемуаристике ставит перед нами вопрос об автономии этого хронотопа от общих политических процессов, идущих с присущей им скоростью¹⁶. Был ли у гуманитарной интеллигенции свой тайминг, пусть даже и воображаемый — и при этом отличный от общеидеологических вехий? Куда делось в этой воспоминательной хронологии доперестроечное десятилетие с середины 1970-х до прихода к власти Горбачева, которое описывается без всякой нюансировки? Ведь этот период объективно не представляется сейчас пустым — и в смысле освоения новых концепций или полузапретных имен, вроде Макса Вебера, и в плане окончательного изживания шестидесятнических иллюзий. Именно тогда, судя по всему, и вызрело окончательно среди изрядной части «верхушки» послевоенного образованного слоя внутреннее противопоставление себя власти (несколько присмирившему по сравнению с 1930-ми «Чингисхану») и была легитимизирована строго преследуемая ранее преемственность со *все́й*, а не только революционной, прежней интеллигенцией. Советский профессор, чаще всего член партии и внешне вполне лояльный к системе, стал считать себя наследником и продолжателем профессора «старого времени». Новая ситуация научного обеспечения власти с начала 1990-х годов приводит к тому, что бывшая возможность принадлежать сразу к двум мирам — политическому и академическому (как у Фёдора Бурлацкого, Александра Бовина, Георгия Арбатова или Станислава Меншикова — если брать авторов мемуаров) уходит в прошлое.

Г. Очень существенная проблема и для создания, и для рецепции мемуарного произведения — *зачем* этот текст создается и *кому* он адресован. Поскольку значительная часть автобиографических повествований о советском мыслится их авторами (см. пункт А) как итоговые, завершающие жизненный и особенно творческий путь, то обращение к обра-

¹⁶О коммеморативной работе в академической среде в целом см.: [Савельева 2011], и о работе малых сообществ, например, антиковедов: [Файер 2011].

ю Читателя часто становится в тексте эксплицитным, причем потомки (иное поколение) в этом смысле фигурируют чаще, чем ровесники. Тем самым «внешнее» текста становится его «внутренним»:

Я хотел бы надеяться, что эта книга [воспоминаний] поможет идущим нам на смену поколениям утвердиться в мысли, жизненно важной для входящего в новое тысячелетие своей долгой истории человечество: ни религиозной, ни политической идеологии нельзя больше позволять совершать насилие над истиной, и нравственной ценностью должен обладать для ученого сам бескорыстный поиск истины во всех областях познания природы, общества, человека, культуры [Каган 2005: 11].

Исследование того, почему эти мемуары пишут, не может не коснуться вопроса о том, кто и зачем их читает. Дистанция между Автором и «публикой» в случае воспоминаний гуманитариев, пожалуй, намного короче, тем для текстов бывших и действующих политиков, идеологов, функционеров. Работа памяти в академическом микросоциуме (гораздо более гесном, чем писательская или художественная, артистическая среда, где также имеет место широкое бытование автобиографических сочинений [Балина 2002; Балина 2008]) непосредственно связана с поддержанием корпоративной солидарности, общего образа прошлого, в идеале распространяемого на *всех* членов того или иного дисциплинарного сообщества.

Вернемся к проблеме специфичности автобиографии представителя ученой корпорации. Академический мемуар стал строиться вокруг коллективного образа своей среды в куда большей степени, чем в воспоминаниях политиков или художественных деятелей. Примат коллективных оценок и ценностей (также и в форме рефлексии общего исторического опыта) стал соотноситься с привычным уже с 1960-х годов пониманием критериев профессионализма как критериев этических: *настоящий* ученый как *порядочный* человек. За этим стояла отсылка к значимой, но отсутствующей ценностной норме (западный свободный индивид для одних, настоящий марксист или русский патриот для других, дореволюционный «предшественник» практически для всех) и одновременно скрывая оппозиция властным императивам партийности, идейности и т.д. Здесь мы разделяем отчасти скептический градус отношения современных исследователей относительно критического или протестного потенциала позднесоветского интеллектуального этоса (Н. Митрохин, А. Бикбов). За редкими, но знаковыми исключениями — вроде Лидии Гинзбург,

Игоря Кона или Арона Гуревича — большинство мемуаристов избегают ставить действительно крайне болезненный вопрос о природе тогдашних групповых и индивидуальных компромиссов с властью и идеологией (несмотря на обнаруживающийся здесь задним числом критический настрой), а главное — о системной социальной неизбежности этих компромиссов, о необходимости сосуществования с любым «начальством» и о последствиях этого не-выбора.

Однако чаще референтные круги постсоветского гуманитарного мемуара замкнуты на достаточно ограниченную среду непосредственных учеников, последователей, и эти «микросообщества» редко напрямую соприкасаются друг с другом, что подразумевало бы тогда обнаружение общего мемуарного Текста (точнее, конечно же, — совокупности таковых). Но пока, например, филологи-последователи Лотмана почти не пересекаются с почитателями теоретико-литературных трудов Г.Н. Поспелова¹⁷ на общих конференциях или страницах читаемых всеми коллегами журналов. Скорее такими общими фигурами почитания становятся *классики* — или ученые XIX века, или еще более дальние предшественники (Бахтин или Тынянов для литературоведов, Зайончковский или Неусыгин для историков и т.д.), а не непосредственные учителя.

Очень важным и показательным исключением среди таких парцеллярных — и почти общепримирающих — политик памяти является сообщество постсоветских медиевистов, где в начале 2000-х годов среди старшего поколения разгорелась настоящая «война мемуаров» [Мильская 2002; Гуревич 2002; Мильская 2004; Гуревич 2005]¹⁸. Эта повышенная «воинственность» как раз и может объясняться давним специальным

Например, публикация об анонимно распространявшемся в Москве и за рубежом в конце 1960-х годов весьма неортодоксальном очерке Г.Н.Поспелова о советской реальности на страницах «Тыняновских сборников» середины 1990-х [Поспелов 1994] вызвала недоуменные замечания рецензента на страницах «Нового литературного обозрения» — ведь Поспелов уже априори чужой.

¹⁸Поводом стали посмертно опубликованные мемуары Е. Гутновой [Гутнова 2001], написанные уже в самом начале 90-х, во многом самооправдательные и в то же время достаточно критичные, по крайней мере, к условиям идеологического существования советской медиевистики.

статусом и престижем специалистов по западному Средневековью в отечественном историческом цехе, а также гораздо большей когерентностью сообщества медиевистов, которые успешно сохраняют единство среды вопреки плюрализму внутренних школ и направлений [Уваров 2006; Зарецкий 2009; Рыжковский 2009]¹⁹. Именно (суб)дисциплинарное единство делает этот спор о ценностях общезначимым и важным отнюдь не только для уходящих поколений, но и для более молодых исследователей, начинающих специалистов. Споры затрагивают уже не только закончившиеся прошлое, но и выборы сегодняшнего дня и их проекции в прошлое своего сообщества. В противоположность этому в постсоветской философии (казалось бы, самой плюралистичной из дисциплин), скорее поддерживаются солидаристские практики, и абсолютно разные ученые — от А.Ф.Лосева до редактора «Правды» и автора базового «застойного» учебника по философии В.Г.Афанасьева — оказываются причастными задним числом дискурсу «профессионализма»²⁰.

Как раз в мемуарных войнах медиевистов становятся особенно очевидны два идеологических полюса, присущих всей постсоветской академической мемуаристике. Первый из них можно условно обозначить как либерально-диссидентский: наиболее репрезентативно он представлен воспоминаниями Арона Гуревича, Игоря Кона, сотрудников и единомышленников Юрия Левады²¹. Второй, «нормализующий», ярко выражен в текстах академических функционеров разного ранга; особенно показательны тут воспоминания Юрия Жданова, после недолгой и «звездной» карьеры в ЦК много лет работавшего ректором Ростовского университета [Жданов 2004], или мемуары многолетнего директора ИНИОНа В.А. Виноградова, вышедшие недавно третьим (!) изданием [Виноградов 2011]. И если в 1990-е годы в мемуарной литературе, как и в политических автобиографиях, были гораздо шире представлены тексты, тяготеющие к первому направлению, то в 2000-е, соответственно с изменением общей ситуации в стране, заметнее стали публикации вто-

¹⁹Ср. известный опыт французских историков, преимущественно медиевистов: [Essais d'ego-histoire 1987].

²⁰См.: [Митрохин 2005] (и особенно интересное в этой книге развернутое интервью академика Т.И. Ойзермана).

²¹Гуревич 2004 (и более ранние опыты: [Гуревич 1994]; в основе позднего текста книги Гуревича лежат его обширные записи 1973 года). Здесь же можно упомянуть и близкие к этим воспоминаниям тексты: [Баткин 2002; Бессмертный 2003]. Среди лучших образцов постсоветского автобиографического письма, получивших довольно большой резонанс в гуманитарной среде: [Кон 2008; Житомирская 2008].

рого типа, так или иначе связанные с позитивными оценками советского наследия. «Сбалансированную» версию прошлого предлагают полумемуарные книги недавних и действующих администраторов (вроде академика от социологии Г.В. Осипова) или позитивные биографические публикации учеников и последователей о деятелях, за которыми среди «либералов» или даже «умеренных» закрепились вполне одиозная репутация [Николюкин 1999; Светачев 2001; Могильницкий, Смоленский 2001].

И все же говорить о смене идейных парадигм в среде отечественных гуманитариев, опираясь на заведомо выборочный набор мемуарной литературы было бы, разумеется, не совсем корректно. Несмотря на отмеченные тенденции и довольно консервативный характер и академической историографии, и учебной литературы для вузов можно все-таки отметить среди устойчиво закрепленных завоеваний 1990-х годов общие оценки научных достижений и «гамбургского счета» в ретроспективной оценке науки советского периода. Ценности и иерархии «либерального» меньшинства кануна перестройки стали (пусть и в рамках весьма эклектичной системы ценностей) закреплены как всеобщие. Никому не придет сейчас в голову возрождать в исходном виде теоретические каноны середины 1980-х годов, всерьез сравнивать структурализм Лотмана и идеи М.Б. Храпченко, наследие Бахтина и достижения «марксистско-ленинской эстетики», или считать, что в целом суловский марксизм эпохи застоя или рамки позднесталинского обществознания были хоть в чем-то благотворны для развития науки. К растущему корпусу мемуарных книг и архивных публикаций добавляется очень важное поле публикаций в Интернете и открытие целых онлайн-проектов по историографии знания советской эпохи²². С развитием устной истории науки жанр воспоминаний перестает быть уделом старшего поколения ученых, а темы и сюжеты советского времени становятся предметом автобиографической аналитики относительно молодых исследователей. Конечно, особенно показателен связи с этим пример филологов, работающих на границе художественного повествования и жанра нон-фикшн (мож-

См. многотомную серию «Философия России второй половины XX века» (издательства РОССПЭН), цикл бесед «Взрослые люди» Любови Борусяк на ресурсе [polit.ru](http://www.polit.ru) (<http://www.polit.ru/topic/vzrl/>) и там же — об экономистах второй половины 1980-х (<http://www.polit.ru/topic/zmeinka/>); очень важное собрание интервью социологов Д.Шалина и Б.Докторова (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>) и материалы на сайте <http://www.socioprognoz.ru/>, архивы бесед филологов-классиков (<http://librarius.narod.ru/sova/catalogos.htm>) и т.д.

но даже отметить отрефлексированные линии преемственности, например, Л. Гинзбург — А. Жолковский [Жолковский 2003] — А. Асвацатуров, В. Каверин — Вл. Новиков). Здесь авторы опираются уже не только на собственные воспоминания об ушедших учителях или коллегах, но и на новую, лишенную прежних цензурных ограничений мемуарную традицию: так, недавняя книга Евгения Водолазкина (1964 г.р.) органично и сознательно продолжает линию «пушкинодомских» воспоминаний, куда могут быть включены недавние мемуарные тексты его старших коллег [Лихачев 1995; Егоров 2004; Лотман 2007; Водолазкин 2011].

Тяга к мемуарной литературе бывает связана не только с желанием переосмыслить недавнее советское прошлое, но и с желанием отойти от него еще дальше, вглубь времен, опираясь при этом на свой персональный опыт. Это отмечал еще в 1989 году Михаил Гаспаров, впоследствии автор замечательных автобиографических фрагментов об ИМЛИ и античниках, опубликованных в его известной книге «Записи и выписки»:

Спрос на старину — это прежде всего опшатывание от настоящего. Опыт семидесяти советских лет привел к кризису, получилось очевидным образом не то, что было задумано. Первая естественная реакция на этот результат — осадить назад, вернуться к истокам, все начать заново. Как начать заново — никто не знает, только спорят. Но что такое осадить назад очень хорошо представляют все: техника таких попятных движений давно отработана русской историей [Гаспаров 2001: 102].

Впрочем, поиски большой преемственности (включая сюда и науку XIX века, традиции Владимира Соловьёва, Александра Веселовского или Василия Ключевского), попытки обрести традицию через мемуарную рефлексию нельзя считать безуспешными. Воздействие на гуманитарную автобиографическую традицию мемуаров представителей иных дисциплин (например, естественных) остается, кажется, незначительным и относится скорей к общекультурным эффектам. Так, например, чтение «Воспоминаний» А.Д. Сахарова, опубликованных посмертно в 1990 году, явно было обращено читающей публикой не к научной, а к идейной или экзистенциальной сторонам его деятельности.

Конечно, очевидно и то, что воспоминания востоковедов и экономистов можно довольно условно рассматривать в некотором общем фрейме — все же степень прямой вовлеченности в дела и заботы государства и общества у специалистов по социальным наукам в позднем советский период была на порядок больше, чем у чистых гуманитариев, зачастую

мечтавших вернуться в свою «башню из слоновой кости». Да и «память цеха» о былых и более свободных временах, отсылка к дореволюционной преемственности у гуманитариев была сильнее. В целом — если применять дисциплинарный подход — в общем корпусе текстов резко выделяются по количеству и разноплановости мемуарных нарративов представители трех областей знаний: историки и филологи, философы и, наконец, социологи²³.

Какие уроки можно считать — разумеется, со всеми необходимыми оговорками — извлеченными из советского опыта, если опираться на материал воспоминаний? Даже администраторам или вполне успешным деятелям брежневских лет приходится в позднейших автобиографических текстах корректировать свои прежние оценки и взгляды, оглядываясь на заданные в 1990-е годы системы оценок (неприязнь к «аппарату», важность профессионального подхода в противовес идеологическому, отмежевание от слишком явно устаревших вульгарно-марксистских установок)²⁴. Прежние ортодоксы-философы вроде А.Д. Косичева, защищая в своих воспоминаниях от новейших нападок философский факультет МГУ, апеллируют ныне к авторитету гонимых недавно Александра Зиновьева, Георгия Щедровицкого или Мераба Мамардашвили. Память о былых преследованиях или жестких ограничениях хотя и вытеснила память о компромиссах, но все же не стала предметом ностальгии по ушедшей «прекрасной эпохе»: канон академической памяти о советском прошлом в кругу гуманитариев остается скорее критическим, нежели аффирмативным. Помимо методологической открытости, а также резко изменившимся политическим и экономическим условиям этому «невозврату» к позднесоветским стандартам и ценностям способствовала также волна мемуарной и автобиографической литературы (от воспоминаний Дмитрия Лихачёва до текстов Лидии Гинзбург или «Записей и выписок» Михаила Гаспарова), на которой в период перестройки и 1990-х воспитывалось нынешнее наиболее активное поколение гуманитариев [Фрум-

Судя по всему, в меньшинстве остаются психологи; часто интересующие нас тексты принадлежат детям известных ученых: [Лурия 1994], и особенно публикации В.П. Зинченко: [Зинченко 1994; Зинченко, Моргунов 1994] и др.

²⁴См.: [Николаев 2008: 89-90] (о постыдной академической непризнанности Бахтина). Этот же мемуарист, известный профессор филфака МГУ, допущенный в дом генсека Брежнева, вспоминает, как в середине 1970-х привозил домой из Америки запрещенные книги Солженицына [Николаев 2008: 100] и т.д. Любопытно сравнить оценки П.А. Николаева с характеристиками другого деятеля советского официального литературоведения: [Кирпотин 2006].

кина 1997; Иванов Вяч.Вс. 1995]. Большую роль в изменении общественных нравов, особенно в гуманитарной среде, сыграла рецепция и переиздание прежней эмигрантской мемуаристики («Зияющих высот» Александра Зиновьева и «Философии одного переуллка» Александра Пятигорского, автобиографических сочинений Солженицына, Лидии Чуковской, Льва Копелева и других). В создании традиции постсоветского мемуара о советском прошлом важнейшую роль сыграли не только ставшие доступными воспоминания эмигрантов «третьей» волны (часть этих исследователей—вроде Александра Жолковского или Игоря Смирнова— вполне органично вписалась и в новую научную жизнь на Родине), но и знаковые автобиографии эмигрантов первой волны (особенно книга Федора Степуна), также переживших довольно болезненный разрыв с прошлым [Дмитриев 2003]. Сказалась в этом и деятельность таких хранителей памяти, как Владимир Аллой, Яков Лурье (автор талантливой книги о своем отце)²⁵, Феликс Перченок, Александр Добкин и др., издание альманахов «Память» и «Минувшее», на страницах которых регулярно освещалась история советской науки. «Мемуарная база» становится одной из важнейших и необходимых основ современной критической историографии советской науки— тем самым речь идет не просто о человеческих документах или сугубо персональных оценках прошлого, но и о памяти корпорации в целом.

В результате цеху гуманитариев в постсоветскую эпоху все же удалось во многом обрести и собственное историческое самосознание и— пускай даже и воображаемый— автономный статус, что дает, в отличие от ситуации середины 1980-х, хотя бы некоторое противоядие от прямого и «бесхитростного» следования очередным поворотам политической или идеологической конъюнктуры. Сам эффект письменного закрепления бытовавших прежде лишь в устном предании (авто)биографических нарративов также имел немалое идеологическое воздействие на дальнейшее существование «профессиональной памяти» цеха гуманитариев²⁶.

Если в 1990-е годы собирательной рамкой мемуаров, особенно «либеральных», была коллективная коммеморация с оттенком некоторой ностальгии по идеологически малопривлекательной, но уже закончившейся и интеллектуально весьма продуктивной эпохи (например, показательные

²⁵См.: [Лурье 2004] (первое издание под псевдонимом Б.Я. Копржива-Лурье— Париж, 1987).

²⁶Ср. книжные публикации самых разных гуманитариев из собрания Дувакина: [Бахтин 2002]; [Тимофеев, Поспелов 2003]. См. также два издания книги известного петербургского историка: [Ганелин 2006].

воспоминания тартуского круга о Лотмане) , то на исходе 2000-х заметней стали стратегия актуализации, прямые соотнесения проблем гуманитариев того времени с заботами их сегодняшних наследников (например, вызвавший немалый резонанс осенью 2010 года документальный цикл телепередач Александра Архангельского «Отдел»). Так или иначе, этот феномен постсоветского академического мемуара нуждается в дальнейшем осмыслении и рефлексии, поскольку последняя точка в его истории еще далеко не поставлена, и, возможно, самые острые или глубокие автобиографические размышления о советском прошлом нам еще предстоит прочесть.

Литература

- Dintenfass, Michael.* Crafting historians' lives: autobiographical constructions and disciplinary after the linguistic turn // *Journal of Modern History.* 1999. Vol. 71. P. 150-165.
- Essais d'ego-histoire / Pierre Nora (Ed.).* — Paris: Gallimard, 1987.
- Intellectual Migration: Europe and America 1930-1960 / D.Fleming and B. Baylin (eds.)* — Cambridge: Harvard University Press, 1969.
- Popkin, Jeremy D.* History, Historians, & Autobiography. — Chicago and London: The University of Chicago Press, 2005.
- Versäumte Fragen. Deutsche Historiker im Schatten des Nationalsozialismus / Hrsg. von R. Hohls, K.H. Jarausch.* — München, 2000.
- Авторханов А.Г.* Мемуары. — Frankfurt am M.: Посев, 1983.
- Балина М.* Какой-то «непроявленный жанр»: мемуары в литературе соцреализма // Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино / Составители М. Балина, Е. Добренко, Ю. Мурашов. — СПб.: Академический проект, 2002. С.241-258.
- Балина М.Р.* «Выживленцы» и постсоветская поп-мемуаристика // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 23-30.
- См. одну из многочисленных публикаций: [Московско-тартуская семиотическая школа 1998]. Начало этому положил еще Б.А. Успенский: [Успенский 1992]; а самый первый опыт принадлежит еще 1970-м годам: [Ревзин 1997]. Из зарубежных источников — представителей этой традиции важнейшим были, конечно, мемуары Р. Якобсона [Якобсон, Поморска 1982].

- Боткин Л.М.* Историк о себе. Внутренняя логика самодвижения // Баткин Л.М. Пристрастия: Избранные эссе и статьи о культуре. 2-е изд., доп. — М.: РГГУ, 2002. С. 16-110.
- Батыгин Г.С.* Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Вестник / Тюменский гос. Нефтегазовый университет; Научн.-иссл. институт прикладной этики. Вып. 20: Моральный выбор / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. — Тюмень, 2002. С. 106-119.
- Бахтин М.М.* Беседы с В.Д. Дувакиным. — М.: Согласие, 2002.
- Бельский И.Л.* Российское научно-историческое сообщество в конце XIX-начале XXI века: публикации и исследования 1940-2010-х годов // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. Под редакцией Г. Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2011. С. 344-478.
- Берелович А.* О культе личности и его последствиях (заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе) // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 39-44.
- Бессмертный Ю.Л.* «Начать с начала...» Интервью Н.Е. Колосову (20 сентября 1991 г.) // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. - М., 2003. Кн. 2. С. 335-370.
- Бестужев-Лада И.В.* Свожу счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и приходящем. — М.: Алгоритм, 2004.
- Бибихин В.В.* Для служебного пользования // Бибихин В.В. Другое начало.— СПб.: Наука, 2003. С. 181-207.
- Бикбова А., Дмитриев А.* Люди и положения (к генеалогии и антропологии академического неоконсерватизма) // Новое литературное обозрение. 2010. № 105.
- Бочаров С.Г.* Событие Бахтина // Вопросы литературы. 1995. № 11.
- Варга Е.С.* «Вскрыть через 25 лет». (Предсмертные записки Е.С. Варги) // Политические исследования. 1991. № 3.
- Виноградов В.А.* Мой XX век. Изд. 3-е. — М.: Наука, 2011.
- Водолазкин Е.Г.* Инструмент языка. О людях и словах. — М.: Астрель, 2011.
- Галкин КС.* Записки ректора МГУ. Воспоминания. — М., 2004.
- Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чём они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-1970-х годах.— СПб.: Нестор-История, 2006.
- Гинзбург Л.Я.* Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования.— Л.: Советский писатель, 1989.
- Гуревич А.Я.* Путь прямой, как Невский проспект // Одиссей: Человек в истории. 1992.-М., 1994.
- Гуревич А.Я.* Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Средние века. - М.: Наука, 2002. Вып. 63. С. 362-393.
- Гуревич А.Я.* История историка. — М.: РОССПЭН, 2004.

- ГуревичА.Я. О присвоении прошлого. Открытое письмо Л.Т. Мильской // Средние века. - М.: Наука, 2005. Вып. 66. С. 408-414.
- ГутноваЕ.В. Пережитое.-М.: РОССПЭН, 2001.
- ГаспаровМ.Л. Прошлое для будущего (для журнала «Наше наследие») // ГаспаровМ.Л. Записи и выписки. — М.: НЛО, 2001.
- ГрушинБ.А. Ученый совет при Чингисхане? // Открывая Грушина / М.Е. Аникина, В.М. Хруль (ред.)-М.: Издательство МГУ, 2010. С. 295-302.
- ГузаировТ.Т., ЛейбовР.Г., Сморгжевских-СмирноваМ.А., ФрайманИ.Д, ФрайманТ.Н. Русские мемуары в историко-типологическом освещении к постановке проблемы // «Цепь непрерывного предания... ». Сб. памяти А.Г. Тартаковского. - М., 2004. С. 346-361.
- ДеборинА.М. Воспоминания академика А.М. Деборина / Предисл. С.Н. Корсакова // Вопросы философии. 2009. №2. С. 113-133.
- ДмитриевА. Эмиграция как фактор национализации науки: русские гуманитарии в Германии 1920-1930-х гг. // Ab Imperio. 2003. №2. С. 317-349.
- ДружининН.М. Воспоминания и мысли историка. — М. 1967.
- ДубинБ. Границы и ресурсы автобиографического письма // Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса. Вторые чтения памяти Вениамина Иофе.-СПб., 2005. С. 19-28.
- ДубровскийА.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). — Брянск: Изд-во БрГУ, 2005.
- ДьяконовИ.М. Книга воспоминаний.— СПб.: Европейский дом, 1995.
- БенинаЕ. Из книги воспоминаний. Во времена послевоенной идеологической бойни // Вопросы литературы. 1995. Вып. IV.
- ЕгоровБ.Ф. Воспоминания.— СПб.: Нестор-история, 2004.
- ЖдановЮ.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
- ЖитомирскаяСВ. Просто жизнь. - М.: РОССПЭН, 2008.
- ЖолковскийА.К. Между жанрами // ЖолковскийА.К. Эросипед и другие вишнетки. — М.: Водолей Publishers, 2003.
- ЗарецкийЮ.П. Актуальное прошлое: стенограмма собрания московских медиевистов 1949 года. Опыт медленного чтения // Неприкосновенный запас. 2009. № 1.С. 77-96.
- ЗаславскаяТ.И. Избранные произведения. Т. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. — М.: Экономика, 2007.
- зинченкоВ.П. Непутевые воспоминания // Вопросы психологии. 1994. №2.
- "нченкоВ.П., МоргуновЕ.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии.-М.: Тривола, 1994.

- Иванов Вяч.Ве. Голубой зверь (Воспоминания) // Звезда. 1995. № 1. С. 173-199; №2. С. 192-207; № 3. С. 155-196.
- Каган М.С. О времени — о людях — о себе. — СПб.: Петрополис, 2005. С. 11,
- Квасов Г.Г. Документальный источник об оценке И.В.Сталиным группы академика А.М. Деборина // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. - М., 1992. Вып. 10. С. 188-197.
- Кирпотин В.Я. Ровесник железного века: Мемуарная книга. — М.: Захаров, 2006.
- Козлова Н.А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. №2. С. 59-87.
- Козлова Н.А. «Мы были маргиналами; только следующее поколение получило профессию „социолог"» (URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Kozlova.pdf>).
- Колядич Т.М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. — М., 1998.
- Кон И.С. 80 лет одиночества. — М.: Время, 2008.
- Косичев А.Д. Философия, время, люди: воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
- Литовская М.А. Феникс поет перед солнцем: феномен Валентина Катаева. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Лихачев Д.С. Воспоминания. — СПб.: Logos, 1995.
- Лотман Л.М. Воспоминания. — СПб.: Нестор-История, 2007.
- Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. — М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Лурия Е. Мой отец А.Р. Лурия. — М., 1994.
- Лурье Я.С. История одной жизни Изд. 2-е, испр., доп. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004.
- Мазлумянова Н.Я. «Жизнь в науке»: концептуальная схема и описание биографических материалов российских социологов // Социальные науки в постсоветской России / Под. ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свицерски. — М.: Академический Проект, 2005.
- Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В.Гутновой и их достоверность // Средние века. - М.: Наука, 2002. Вып. 63. С. 394-401.
- Мильская Л.Т. Заметки на полях (по поводу статьи А.Я. Гуревича «Историк среди руин» // Средние века. 2002. - М.: Наука, 2004. Вып. 65. С. 214-228.
- Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. — СПб., 2005.
- Могильницкий Б.Г., Смоленский Н.И. Александр Иванович Данилов (1916-1980) // Новая и новейшая история. 2001. №2. С. 175-190.

- Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Под ред. С.Ю. Неклюдова. — М., 1998.
- Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов / Отв. ред. Г.Б. Старушенко. — М.: Наука, 2001.
- Некрича*. Отрешись от страха. Воспоминания историка. — Лондон, 1979.
- Николаев П.А.* Мемуарный калейдоскоп. Из тени в свет перелетая. — М.: Русский импульс, 2008.
- Николюкин А.Н.* Роман Михайлович Самарин: миф и реальность [Письмо в редакцию] // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. №2. С. 167-175.
- Островитянов КВ.* Думы о прошлом. Из истории первой русской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве. — М., 1967.
- Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985-1995 гг.) / Сост. И.А. Кондакова. — М., 1997.
- Полетит Н.П.* Виденное и пережитое (Из воспоминаний). — Иерусалим: Библиотека Алия, 1990 [1982].
- Поспелов Г.Г.* Особое мнение профессора Г.Н.Поспелова // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. — Рига; М., 1994.
- Ревзин И.И.* Воспоминания / Публ. О.Г. Ревзиной // Из работ московского семиотического круга. — М.: Языки русской культуры, 1997. С. 791-838.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. — СПб., 1999.
- Рыжковский В.* Советская медиевистика and Beyond: (к истории одной дискуссии) // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 58-89.
- Савельева ИМ.* «Уроки Истории» ученой корпорации // Мир историка. Историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. — Омск: ОмГУ, 2011. Вып. 7. С. 63-80.
- Светачев М.И.* Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий (1907-1989) // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 175-191.
- Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем. — СПб.: Композитор, 1993.
- Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Том 6. Аннотированный библиографический указатель книг, публикаций в сборниках и журналах. — СПб.: Индрик, 2006.
- Споров Д.* Живая речь ушедшей эпохи: собрание Виктора Дувакина // Новое литературное обозрение. 2005. №4. С. 454-472.
- Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н.* Устные мемуары. — М.: Издательство МГУ, 2003.
- Уваров П.Ю.* Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. №81.

А. Дмитриев

- Успенский В.А.* Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В.Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца) [1-990] // Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 33.—Wien, 1992. S.119-162.
- Файер В.В.* «Слава богу, моя диссертация оказалась неудачной...». Особенности воспоминания в небольшой научной корпорации // Мир историка. Историко-графический сборник / Под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. — Омск: ОмГУ, 2011. Вып. 7. С. 140-154.
- Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР, 1940-1960-х годы : История, теория и практика.—СПб : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2008.
- Фрумкина Р.М.* О нас —наискосок.— М., 1997.
- Хряков А.* Историки при национал-социализме: жертвы, попутчики или преступники // Новое литературное обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография. 2005. № 74. С. 47-66.
- Шалин Д.* В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. №3. С. 13-23.
- Шкловский В.Б.* Жили-были, Воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX века по 1962 год. — М., 1964.
- Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. — СПб., 1995. С. 19-77.
- Шедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... — М.: Путь, 2001.
- Эттейн А.Д.* Русско-еврейские интеллектуалы первого советского поколения: штрихи к портрету // Новое литературное обозрение. 2010. III 3. С. 86-108.
- Эткинд Е.Г.* Записки незаговорщика [1977]. Барселонская проза.—СПб.: Академический проект, 2001.
- Якобсон Р., Поморская К.* Беседы. — Иерусалим, 1982.
- Яневич Н. (Бенина Е.)* Институт мировой литературы в 1930-70 гг. // Память. Исторический сборник. — Париж, 1982. Вып. 5.
- Яременко Ю.В.* Экономические беседы / Запись С.А.Белановского. —М.: Центр исследований и статистики науки, 1998.